
Н. В. ПОДДУБНЫЙ, А. А. ТРУНОВ

ПОЧЕМУ ИДЕОЛОГИЯ НЕ СТАЛА НАУКОЙ О РАЦИОНАЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ?

В статье реконструированы основные достижения французских «идеологов» конца XVIII – начала XIX века. Дана обоснованная характеристика эпистемологического проекта Идеологии, понимаемого как попытка создания универсальной науки об идеях и рациональном мышлении, а также восстановлен психоисторический контекст генезиса и кристаллизации Великих идеологий современности (консерватизма, либерализма, социализма). Наполеон заложил традицию трактовки Идеологии как феномена ложного сознания. Однако это не помешало Идеологии выступить в качестве одного из трех Великих нарративов преобразования общества, государства, а зачастую – и целого мира.

Ключевые слова: идеология, наука, Дестют де Траси, Наполеон, современность.

Проблемы науки, научности, классической и неклассической рациональности, различных форм научного и вненаучного мышления глубоко и всесторонне исследованы отечественными и зарубежными учеными (Гадамер 1988, Уайтхед 2009; Гайденко 2003; Степин 2011; Багдасарьян и др. 2014; Назаретян 2015 и др.). Однако вопрос о соотношении науки и идеологии по-прежнему относится к числу дискуссионных. Его разработка лишь с позиций *политической теории* (Мусихин 2013; Freedен 1996) явно недостаточна, поскольку совершенно не учитывает специфики Идеологии как грандиозного проекта создания универсальной науки об идеях и рациональном мышлении. Требуется более тщательная проработка иных эпистемологических полей, в том числе философии науки, социологии знания, интеллектуальной истории, исторической психологии. Не менее интересна реконструкция психоисторического контекста генезиса Идеологии как универсальной науки об идеях, с одной стороны, и условий кристаллизации классических идеологий современности (консерватизма, либерализма, социализма), – с другой.

Термин *идеология* в его исходном, первоначальном смысле (греч. *ιδεολογία*, от др.-греч. *ἰδέα* – вид, форма, прообраз, идея;

и *λογος* – слово, разум, учение) содержит в себе неустранимую претензию на научность (Трунов 2015). Полагаем, что при более благоприятных обстоятельствах Идеология могла бы стать полноценной наукой, заняв место в одном ряду с теорией познания. Однако этого не произошло. Вопросу о том, *почему Идеология так и не стала наукой о рациональном мышлении*, посвящена настоящая статья, в которой мы попытаемся реконструировать интеллектуальные достижения французских «идеологов» конца XVIII – начала XIX века.

Основными задачами статьи являются, во-первых, характеристика психоисторической ситуации, обусловившей генезис и кристаллизацию классических идеологий современности; во-вторых, осмысление научного проекта Идеологии, который сформировался во Франции как своеобразный ответ надломленной, но все-таки не до конца разрушенной просветительской ментальности на грозные вызовы Революции. В основу нашего анализа положен метод герменевтической реконструкции исходных смыслов Идеологии, которые содержатся во впервые переведенном Д. А. Ланиным и опубликованном на русском языке сочинении А.-Л.-К. Дестюта де Траси (2013). Особое внимание уделяется интерпретации психоисторического контекста возникновения Великих идеологий современности: консерватизма, либерализма, социализма. Сущностные различия «большой тройки» идеологий в статье рассматриваться не будут, поскольку это предмет самостоятельного исследования.

От Революции к стабилизации: как унять когнитивный хаос?

Известно, что европейские интеллектуалы XVIII века рассматривали духовно-идеологические процессы как «очищение» человеческого сознания от предрассудков, нелепостей, аббераций, иллюзий, мифов, надеясь с помощью *Просвещения* (англ. *Enlightenment*, фр. *Lumière*, нем. *Aufklärung*) окончательно преодолеть человеческие заблуждения (Трунов 2013a), заменив их точным научным знанием. Однако в реальности они сталкивались со стойкостью «идолов» сознания, которые впервые выделил и научно исследовал английский философ и организатор науки Ф. Бэкон (1972).

Исторический оптимизм Просвещения был основательно поколеблен в ходе Великой французской революции 1789–1799 годов, участники которой осуществили своеобразную «ревизию» ключевых идей Ш. Л. Монтескье, Ф. М. Аруэ (Вольтера), Д. Дидро,

К. А. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо и многих других авторитетных мыслителей. Политическая философия постреволюционной Европы радикально меняла свои установки и мировоззренческие ориентиры, пересматривала прежние постулаты, которые поставила под большое сомнение вызванная практически мгновенным крушением *Старого порядка* (от фр. *Ancien Regime*) иррационалистическая стихия (Токвиль 2008).

Перед растерянным взором изумленных современников тех грозных событий внезапно открылась страшная, поистине апокалипсическая картина. Складывалось впечатление, что Историей движут не только Разум и Предвидение, но и какие-то inferнальные силы, отличавшиеся невероятной свирепостью и выступавшие, однако же, под маской лицемерной заботы о людях. Эти «буйство хаоса» и длившийся едва ли не целое десятилетие кровавый «революционный праздник» (Озуф 2003) поставили в тупик многих очевидцев, оказавшихся просто не в состоянии адекватно осмыслить открывшуюся перед ними новую реальность во всей ее ужасающей неприглядности.

Впрочем, когнитивный шок, вызванный ошеломляющим крахом привычной картины мира, был совсем недолгим. Господство нового строя, пришедшего на смену Старому порядку, в полной мере проявилось широким распространением буржуазного мировоззрения и соответствующей ему системы ценностей, инициировавших возникновение новых видов социальных практик. При этом публичная политика не просто ускорилась; она усложнилась, когда на авансцену устремилось множество самонадеянных дилетантов, отчего-то вообразивших себя крупными политическими деятелями, способными творить Историю.

В целом специфику психоисторической ситуации послереволюционного периода во Франции определяли следующие центральные тенденции:

- произошло окончательное размежевание религии, философии и науки;
- появились авторитетные научные и философские концепции, претендовавшие на то, чтобы объяснить важнейшие проблемы человеческого бытия, апеллируя уже не к религиозным, а к секулярным ценностям и смыслам;
- резко возросло влияние антиклерикальных идей, породивших широкое распространение атеизма, который перестал быть уделом преимущественно маргинальных групп интеллектуалов;

– начались процессы смыслового генезиса и кристаллизации классических идеологий современности: консерватизма, либерализма, социализма, – представлявших собой конфликтующие сочетания трех фундаментальных нарративов – Порядка, Свободы и Развития.

На последнем обстоятельстве следует остановиться подробнее. Главная причина, по которой Великая французская революция стала едва ли не самым большим в истории человечества «рассадником» идеологий, как полагает известный антрополог К. Гирц (2004), заключается именно в том, что был упразднен фундаментальный принцип организации Старого порядка – *Божественное право королей*. В результате сформировался своего рода ценностный и идейно-смысловой вакуум, который инициировал запрос на новую, более рациональную «картину мира». Благоприятные условия для появления Великих идеологий современности возникли именно тогда, когда обнаружился дефицит смыслов, с помощью которых только и можно было понять новую реальность.

Только так можно было унять тот когнитивный хаос, который воцарился в умах людей, жаждавших перемен и перевозбужденных революционной риторикой. Публицистическая образность политического языка и полемическая заостренность интеллектуального дискурса были обусловлены именно тем, что зарождавшиеся идеологии (в тот период еще весьма эклектичные и недостаточно внятно артикулированные) пытались придать смысл непонятым социальным реалиям, объяснить их таким образом, чтобы внутри них стали эффективными хоть какие-то рациональные политические действия, преодолевающие энтропию и вводящие в гранитные берега Термидора кровавый революционный поток (Бачко 2006; Бovyкин 2005).

Уникальность исторического момента во многом определялась именно тем, что благодаря Просвещению и Революции идеи перестали «вращаться» в сравнительно узком кругу светских или церковных интеллектуалов. Напротив, они приобрели широкое распространение и начали оказывать серьезное воздействие на развитие всех без исключения социальных институтов постреволюционной Франции. Глас народа – это глас Божий. Потому *общественное мнение* (фр. *l'opinion publique*) теперь значило никак не меньше, чем позиция так называемых «лидеров нации», вознесенных на вершину политического Олимпа в годы постреволюционной стабилизации. Возникла специфическая *информационная среда*, в ко-

торой свободно циркулировали оценки и идеи. Литературная богема дискутировала в кафе, а политическая элита для тех же целей собиралась в аристократических салонах или посещала заседания масонских лож. Обсуждение обычно начиналось с капризов моды, новинок литературы, театра или живописи, а завершалось *политикой*. Критики создавали и ниспровергали авторитеты. Все законы и указы «проверялись» на разумность и соотносились с естественным правом.

Как полагает И. Валлерстайн (2006: 149), «идеология – это не просто набор идей или теорий. Она больше, чем моральный выбор или мировоззрение. Идеология – это гармоничная стратегия поведения на социальной арене, на основе которой можно сделать определенные заключения политического плана». Исторически идеологии оказались востребованы именно тогда, когда политические перемены были признаны формирующимся буржуазным обществом нормальными и даже желательными.

Не то чтобы предшествующие столетия совсем не знали феноменов, родственных идеологии, поскольку в широком смысле «идеология – это негэнтропийный механизм объединения людей в большие группы путем противопоставления другим людям по признаку приверженности определенному набору сакральных символов. Символы конструируются посредством мифологизации реальных или вымышленных событий, персонажей, речевых фигур, зрительных образов, наделяемых мистическими свойствами и смыслами» (Назаретян 2013: 346). Однако именно Великая французская революция стала наглядной демонстрацией реального воздействия идеологий на человеческие массы. По своей сути зарождавшиеся Великие идеологии современности представляли собой когнитивные карты новой и весьма проблематичной реальности, по которым осуществлялась «сборка» травмированного уже в момент своего формирования политического сознания.

В смысловом ядре каждой из обозначенных выше идеологий содержался кластер неопровержимых аксиом, образывавших своего рода *идеационную сеть*, которая была способна существовать в течение более или менее длительного времени. Ее «узлами» выступали незлиминируемые понятия, отражавшие реальное или желаемое состояние актуальной политической практики. При этом ядро идеологического замысла обладало «широкой способностью к абсорбции духовных ценностей» (Гальцева, Роднянская 2012: 23). Тем самым на языковом уровне утверждалось впечатление «це-

лостного, последовательного и безгранично гибкого мировоззрения, которое своей способностью все объяснить» (Гальцева, Роднянская 2012: 26) существенно выигрывало рядом с застывшим догматизмом однозначных истин, подверженных тлению.

Забегая вперед, отметим, что идеологии как особые системы производства «мыслепрактик» (Freedden 1996: 33) и специфические «матрицы раз/единения людей» (Трунов 2015: 66) привнесли в публичную политику стратегическое видение и нормативные образы желаемого общества, тем самым инициировав генезис и эволюцию классических форм мобилизации людей, пытавшихся творить собственную Историю. Традиционные функции мифа (адаптационная, аксиологическая, интегративная, мировоззренческая, ориентационная, рефлексивная) постепенно перешли к классическим идеологиям. Однако с той лишь существенной оговоркой, что миф актуализировал опыт прошлого, а идеологии предлагали конфликтующие образы развивающегося послереволюционного общества, довольно плотно «нанизанного» на некую консенсусную «стрелу времени».

Новые идеологии не «отменили» традиционный миф, а лишь рационализировали его содержание, дополнив нарративами Свободы, Порядка и Развития, наиболее адекватно выражающими исторический смысл политического проекта Модерна. Это не только породило такое важное качество идеологий, как их онтологическая связь с миром *утопий*, но и превратило идеологии в силу, призванную изменить мир в пользу тех или иных субъектов стратегического действия, конструировавших свою идентичность по хорошо известному принципу: мы/они = правые/неправые = хорошие/плохие.

Отсюда – претензия всех Великих идеологий современности на то, чтобы предъявлять растерянному обществу привлекательные образы желаемого будущего, без которых невозможна История. Опыт эпохи Просвещения и в особенности Великой французской революции, которую М. Малиа (2015: 209–250) справедливо характеризует как «воинствующую современность», свидетельствуют о том, что вначале *классовая протосубстанция* (она же – «класс в себе») обретает структуру, волю и сознание; затем она превращается в полноценную *субстанцию* («класс для себя»); и только после этого преобразуется в *субъект стратегического действия* («класс-гегемон»), который только и способен вывести человечество на новый виток развития.

Все это потребовало и более основательной проработки философско-теоретических и методологических аспектов Идеологии. Однако были ли получены сколько-нибудь значимые *научные* результаты? Как соотносилась практика разработки новых идейно-смысловых комплексов с актуальным для того времени уровнем философско-методологической рефлексии? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо реконструировать взгляды французских «идеологистов», которые российская научная общественность долгое время знала лишь в весьма схематичном изложении, заимствованном из вторичных источников, не видя в них ничего оригинального или теоретически состоятельного.

Блеск и нищета научного проекта Идеологии

Первоначально концепт Идеологии использовался в рационально-нейтральном смысле, поскольку означал «анализ идей», «исследование происхождения идей», «науку об идеях» (Грамши 1991: 73). Впервые данный термин использовал А.-Л.-К. Дестют де Траси (1754–1836) в докладе «Проект идеологии», который был прочитан им в Национальном институте наук и искусств 20 июня 1796 года. Основные тезисы этого доклада получили развернутое изложение в знаменитом учебнике «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова» (1801 год), который позднее неоднократно переиздавался (Дестют де Траси 2013).

Сущность Идеологии (франц. *Ideologie*) Дестют де Траси (Там же: 38) определял так: «Эта наука может называться *идеологией*, если принимать во внимание ее предмет; *всеобщей грамматикой*, если обращаться к ее средствам; *логикой*, если рассматривать ее в отношении к ее цели. Какое бы имя ей ни дали, она с необходимостью содержит эти три части, ибо невозможно осмысленно рассуждать об одной из них, не затрагивая двух других. *Идеология* представляется мне родовым понятием, потому что наука об идеях включает в себя науку об их выражении и науку об их дедукции». Идеология как эпистемология включала в себя преимущественно традиционную философскую проблематику, в том числе и соответствующие дискурсивные рамки, в которых осуществлялось ее обсуждение.

Предметом изучения новой «теории теорий», как полагали Дестют де Траси и его единомышленники, называвшие себя «идеологистами» (П.-Ж.-Ж. Кабанис, К. Вольней, П. Ларомигьер, П.-Л. Генгене, Ж. М. Дежерандо), должны были стать *фундаментальные механизмы образования и изменения идей*. При этом

«идеологи́сты» исходили из того, что думать «всегда означает ощущать», а «мышление есть ощущение» (Дестют де Траси 2013: 51, 283). Отсюда – их повышенный интерес к процессам мышления, чувственного восприятия, памяти, внимания, воли, к проблемам образования простых и сложных понятий, а также к изучению и совершенствованию умственных способностей, наконец, к механизмам воздействия идей на умы и поведение людей. Есть все основания полагать, что у «идеологистов» речь шла о том же эпистемологическом проекте «Великого Восстановления Наук» (лат. *Instauratio Magna Scientiarum*), к реализации которого в начале XVII века так стремился Ф. Бэкон (1971).

Как полагал Дестют де Траси, со временем Идеология настолько обогатит свое содержание, что превратится в полноценную науку, станет универсальной теорией познания, которая насущно необходима для дальнейшего прогресса человеческого духа. В перспективе Идеология должна была стать фундаментом всего свода наук о природе, человеке и обществе. При этом предполагалось, что на выработанные Идеологией принципы познания всевозможных идей будет опираться и реальная государственная политика.

Эта же линия и в определении, и в позитивном отношении к Идеологии как сенсуалистической теории познания прослеживается в работах других видных представителей научной школы «идеологистов». Они стремились «реанимировать» основные идеи эпохи Просвещения, придав им новые интерпретации и смыслы на основе оригинального философско-методологического синтеза.

Коллективные усилия французских исследователей были сосредоточены на разработке целостного эпистемологического поля Идеологии в симбиотическом единстве трех базовых направлений, образующих его системную ось:

- во-первых, «социальной математики». Точность и доказательность Идеологии как науки о человеческом мышлении должны были стать основным инструментом борьбы с варварством, деспотизмом и мракобесием;

- во-вторых, «социальной физиологии», направленной на повышение уровня здравоохранения и народного благосостояния, искоренение нищеты, безграмотности и других пороков буржуазного социума, который с огромными трудностями и невероятными издержками сформировался на руинах общества Старого порядка;

- в-третьих, «политической экономии», которую «идеологи́сты» противопоставляли притягательной конструкции «обще-

ственного договора», занимавшей столь важное место в философских и политических текстах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других великих мыслителей (Федорова 2005). «Идеологисты» внесли определенный вклад в развитие того весьма специфического (позитивистского) мышления, которое позднее, уже благодаря О. Конту (2011), стало своеобразным «эталонном» наук.

Как показывает А. С. Иванова (2013), пафосом эпистемологического проекта *Идеологии* было обеспечение разумности человеческого устройства через контроль над сферами науки и образования. Идеология выступала в качестве деятельной метафизики, позволявшей обустроить «прекрасный новый мир» как бы с самого начала (от хаоса к порядку?).

«Идеологисты» пытались преодолеть пресловутое противопоставление рационализма и эмпиризма и претворить в жизнь античное понимание философии как такого типа мышления, который не только отдает себе полный отчет в собственных гносеологических предпосылках, но и охватывает всю сферу имеющегося позитивного знания, которое вновь и вновь воспроизводится в акте живой человеческой мысли. Единство научного метода (аналитическая эпистемология как синтез картезианской и сенсуалистической традиций, см.: Дестют де Траси 2013: 282) и получаемого на его основе научного знания были сутью Идеологии.

И в этом смысле Идеологией называлось мощное интеллектуальное движение, которое охватывало множество популярных научных концепций и представлений рубежа XVIII–XIX веков. Всеобщая грамматика, политическая экономия, интегральное исчисление, теория вероятностей, проективная геометрия, аналитическая химия, естественная история, а также механика, оптика, космология, физиология высшей нервной деятельности, педагогика, логика, философия истории – все это находилось в поле зрения «идеологистов», которые мечтали о том, чтобы адекватная их времени наука приобрела содержательное единство. В качестве своей исторической миссии «идеологисты» рассматривали объединение всех естественно-научных и «моральных», как тогда говорили, дисциплин на основе единой методологии познания.

«Идеологисты» были прямыми наследниками не столько Великой французской революции, которая ужасала их своими кровавыми эксцессами, сколько предшествовавшей ей эпохи Просвещения с ее несокрушимой верой в оптимистические перспективы человеческого Разума. Не будем забывать, что все важнейшие достижения

эпохи Просвещения – идеи знания, воспитания, здравого смысла, Свободы, Прогресса – были направлены на решение центральной для проективной философии Модерна задачи: *формирование человека как цивилизованного существа* (Трунов 2013а).

Все это и составляло смысловое ядро Идеологии, рассматриваемой французскими интеллектуалами в качестве потенциальной всеобъемлющей теории познания, которая позволяла сформулировать принципы политики и практически ориентированной этики, приняв за основу традиционный просвещенческий подход к организации интеллектуального дискурса: *убеждение посредством рациональной аргументации*. «Идеологистами» был принят на вооружение *сенсуализм* (от лат. *sensus* – чувство, ощущение), т. е. философское учение о том, что ощущения являются единственным источником и основанием человеческих знаний: «Все восприятия, все идеи суть то, что мы ощущаем» (Дестют де Траси 2013: 282). Тезис о том, что *идея есть прямое отражение ощущения*, явным образом предполагал, что если человек в состоянии контролировать или направлять стимулы, поступающие в его мозг из внешнего мира, то с их же помощью появляется реальная возможность оказывать конструктивное влияние и на внутренний мир человека. Тем самым основным назначением Идеологии становилось, с одной стороны, адекватное понимание процесса формирования идей, а с другой – целенаправленное изменение мыслительной деятельности.

«Идеологисты» предполагали изменить к лучшему не только человека, но и все человечество (как с помощью образования и воспитания, так и посредством рациональной организации всех необходимых для этого институтов). Подчеркивая значение уровня и точности существующих научных знаний, они тем самым трансформировали классический сенсуализм просветителей (в частности, идеи особо почитаемого ими Э. Б. де Кондильяка) в новую эпистемологию человеческой активности и социальных изменений, которую можно было интерпретировать не только в умеренном, но и в радикальном ключе. Впрочем, сами «идеологисты», наученные горьким опытом Революции 1789–1799 годов, намеренно дистанцировались от любых форм радикализма.

Не пересказывая подробно сути Идеологии как сенсуалистической теории познания, зададимся вопросом о том, почему за концептом *Идеология* так и не закрепился рационально-нейтральный

исходный смысл. Ведь никакая особая наука под названием «Идеология» не появилась. В чем же здесь дело?

Конечно, разработанное Дестютом де Траси, Кабанисом и другими интеллектуалами учение об идеях изначально носило спекулятивный характер и не отвечало статусу научной дисциплины, в чем легко убедиться, если обратиться к первоисточнику. Но для науки данный факт не является чем-то уникальным. То же самое можно сказать о социологии, психологии, экономической теории, политологии, где также немало аналогичных «спекуляций». Многие из них были успешно преодолены ходом развития теоретического знания и стали достоянием истории науки. Критика и самокритика, самообновление и проверка на прочность существующих теоретических и методологических оснований – обычная практика нормально развивающейся науки.

В этой связи необходимо отметить еще один важный момент: построение любой теоретической модели происходит на исходной онтологической базе, поэтому кроме гносеологических положений существуют и общие мировоззренческие представления (Поддубный 2015). «Идеологисты», оказавшиеся в эпицентре Революции, Террора, Термидора и наполеоновских войн, совсем не претендовали на совершение новой научной революции. В то же время их нельзя назвать и примитивными эпигонами, которые занимались только рационализацией основных достижений своих великих учителей.

Для «идеологистов» научное знание служило важнейшим средством и ориентиром в практическом преобразовании мира. К числу несомненных теоретических новаций, осуществленных ими, можно отнести введение в эпистемологию категорий языка и знака. У «идеологистов» знак становится необходимым структурным элементом любого представления, он необходим для появления и дальнейшего развития мысли. Ведь «слова, которые мы произносим, суть знаки наших идей» (Дестют де Траси 2013: 229). Согласно этому подходу, «знаки фиксируют уже имеющиеся идеи и позволяют продвигаться дальше, к идеям более высокого уровня» (Ланина, Ланин 2004: 168). Что же касается языка, то он рассматривался как инструмент анализа идей во всей их сложности, многообразии и полноте. При этом язык не просто фиксировал некие революционные изменения, но и инициировал их.

Следует иметь в виду, что «идеологисты» занимались созданием науки о рациональном мышлении, анализируя главным образом

те материалы, которые предоставляли им соответствующие ученые, делая при этом заметный акцент на поддержание интеллектуальной традиции, восходившей к Р. Декарту, Дж. Локку и Э. Б. де Кондильяку («мыслить есть не что иное, как ощущать, и мышление сводится к ощущениям в собственном смысле слова»; «все наши идеи суть только различные ощущения, так что нужно лишь разобраться в их видах и их многообразных комбинациях друг с другом» [Дестют де Траси 2013: 301, 180]). Поэтому они находились в пределах того конвенционального знания, которое предоставляла адекватная их времени наука. И в этом проявилась очевидная нищета Идеологии как сенсуалистической теории познания.

Крах Идеологии как эпистемологического проекта

Плохо скрываемая и довольно слабо коррелирующая с заявленными «идеологистами» высокими целями ориентация на грубый («физиологический») материализм дает ученым, несогласным с ними, вполне обоснованный повод для критики, поскольку они видят в Идеологии не столько универсальную теорию познания, сколько «особую науку о биологических основах мышления» (Назаретян 2015: 346).

Заметим, что и сам Дестют де Траси специально оговаривал, что «Идеология есть часть зоологии» (Дестют де Траси 2013: 26, 282). «Не подлежит сомнению, что пока мы живы, наш организм, посредством комбинаций, по большей части нам неизвестных, производит множество наружных движений и еще больше внутренних, причиной коих не является никакое внешнее нам тело; и что некоторые из них создают феномен, который мы называем *ощущением*» (Там же: 186). И далее: «Всякий раз, когда один и тот же нерв снабжает нас разными ощущениями, этому должны способствовать особенные его колебания, особенные происходящие в нем и в мозге движения» (Там же: 302). Вольно или невольно напрашивалась более чем сомнительная аналогия между мозгом и желудком, мыслями и экскрементами, что как раз и делало данный исследовательский проект бесперспективным.

Впрочем, неудача научного проекта Идеологии, который разрабатывался Дестютом де Траси и его единомышленниками, была обусловлена не только этими очевидными заблуждениями, отражающими фундаментальное непонимание природы человеческого мышления и сущности идеального. Показательны рассуждения Наполеона, который откровенно третировал «идеологистов», видя

в них либо бесплодных мечтателей, утративших связь с реальностью, либо коварных лицемеров, которые под маской радужных идей о всеобщем благополучии скрывают свои истинные лукавые намерения.

Кульминацией противостояния Наполеона с «идеологистами» (которые, кстати, время от времени тесно с ним сотрудничали) стало его гневное заявление, сделанное на заседании Государственного совета после поспешного и жалкого возвращения из России в декабре 1812 года: «Именно Идеологии, этой скрытой под мраком теории сверхчувственного, которая, с изворотливостью доискиваясь до первопричин, хочет заложить основание законодательства народов, вместо того, чтобы приноровить законы к знанию человеческого сердца и урокам истории, следует приписать все несчастья Франции» (цит. по: Дестют де Траси 2013: 316).

Благодаря убийственной оценке Наполеона Идеология стала восприниматься большинством интеллектуалов всего лишь в качестве псевдонаучной затеи, не заслуживающей внимания серьезных людей. Ранее тот же Наполеон немало способствовал тому, что «идеологисты» (фр. *les ideologistes*) превратились в «идеологов» (фр. *les ideologues*). Позднее слово, пущенное в обиход Наполеоном во время словесной полемики, стало использоваться без кавычек.

По существу, именно Наполеон заложил традицию рассмотрения Идеологии как феномена *ложного сознания*. Заметим, что эта точка зрения получила дальнейшее осмысление и развитие в капитальном труде «Немецкая идеология», написанном К. Марксом и Ф. Энгельсом в период с 1845 по 1846 год и долгое время считавшемся утраченным текстом (см.: Маркс, Энгельс 1955). Согласно Марксу и Энгельсу, Идеология есть особая разновидность ложного сознания, которое «не понимает» истинной природы своего бытия, иллюзорная репрезентация действительности. Вместе с тем Идеология – это «мысли господствующего класса» (=«господствующие мысли»). «Мысли господствующего класса, – подчеркивали авторы, – являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила» (Там же: 45). В целом же Идеология в понимании Маркса и Энгельса – *это фальшивое, иллюзорное, ложное сознание, извращающее реальное положение дел, выступающее инструментом угнетения и классового господства*. Со временем данный подход приобрел большое влияние (Гальцева, Роднянская 2012).

Наполеон с присущей ему проницательностью увидел то, что ускользнуло от близорукого взгляда его оппонентов: *перспективу политического использования их теоретических разработок, т. е. возможность соединения аналитики с политикой*. Впрочем, Де-Траси и мыслители его круга, стремившиеся *всего лишь* поставить под свой контроль систему знания и институты его производства/распространения (включая образование), едва ли даже помышляли о чем-то подобном. Так или иначе, но Наполеон решил на корню уничтожить главные начинания «идеологистов/идеологов», выбрав их в качестве удобного объекта для критики.

В конечном итоге проект создания Идеологии как универсальной науки об идеях и рациональном человеческом мышлении потерпел крах, не сумев обрести статус легитимного научного знания.

Впрочем, даже несмотря на крайне обидные инвективы, исходившие от Наполеона и его сторонников, «идеологисты», по прихоти гения ставшие *идеологами*, принимали деятельное участие в общественной и политической жизни послереволюционной Франции, выступая в роли мудрых законодателей, искушенных дипломатов, ответственных государственных мужей. И это лишь иллюстрирует следующую общеисторическую закономерность: *любая власть нуждается в интеллектуалах ровно в той мере, в какой способна использовать и контролировать их*. Отсюда – частичный или полный запрет на изучение целого ряда важных научных проблем, особенно если они не выходят за рамки «профессорской науки», которая обнаруживает свою полную интеллектуальную несостоятельность в кризисные периоды человеческой Истории.

* * *

Как известно, *habent sua fata verba* – «слова имеют свою судьбу». Идеология так и не стала оригинальной метафизикой или, выражаясь современным языком, полноценной теорией познания. По существу, она была всего лишь завершающим эпизодом искусственно пролонгированной эпохи Просвещения. Но это обстоятельство не помешало Идеологии (уже не как «теории теорий» или феномену ложного сознания, а как особому ценностно-смысловому комплексу, связывающему представления о «хорошей жизни» людей со сферой политики) выступить в качестве одного из трех Великих нарративов преобразования общества, государства, а зачатую – и целого мира.

Литература

- Багдасарьян, Н. Г., Горохов В. Г., Назаретян А. П. 2014. *История, философия и методология науки и техники*. М.: Юрайт.
- Бачко, Б. 2006. *Как выйти из Террора? Термидор и революция*. М.: BALTRUS.
- Бовыкин, Д. Ю. 2005. *Революция окончена? Итоги Термидора*. М.: МГУ.
- Бэкон, Ф.
1971. *Соч.*: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.
1972. *Соч.*: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.
- Валлерстайн, И. 2006. *Миросистемный анализ: Введение*. М.: Территория будущего.
- Гадамер, Х.-Г. 1988. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс.
- Гайденко, П. П. 2003. *Научная рациональность и философский разум*. М.: Прогресс-Традиция.
- Гальцева, Р., Роднянская, И. 2012. *Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий*. М.: Посев.
- Гирц, К. 2004. Идеология как культурная система. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, с. 225–267.
- Грамши, А. 1991. *Тюремные тетради*: в 3 ч. Ч. 1. М.: Политиздат.
- Дестют де Траси, А.-Л.-К. 2013. *Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова*. М.: Академический Проект.
- Иванова, А. С. 2013. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях. *Вопросы философии* 8: 146–148.
- Конт, О. 2011. *Общий обзор позитивизма*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Ланина, Е. Е., Ланин, Д. А. 2004. *Идеи и знаки: семиотика, философия языка и теория коммуникации в эпоху Французской революции*. СПб.: Лики России.
- Малин, М. 2015. *Локомотивы истории: Революции и становление современного мира*. М.: РОССПЭН.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. 1955. *Немецкая идеология*. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, с. 7–544.
- Мусихин, Г. И. 2013. *Очерки теории идеологий*. М.: Высшая школа экономики.
- Назаретян, А. П. 2015. *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании*. М.: Аргмак-Медиа.

Озуф, М. 2003. *Революционный праздник: 1789–1799*. М.: Языки славянской культуры.

Поддубный, Н. В. 2015. Диалектика и судьбы научного рационализма на рубеже веков. *Наука. Искусство. Культура* 2: 158–168.

Степин, В. С. 2011. *История и философия науки*. М.: Академический Проект.

Токвиль, А. 2008. *Старый порядок и революция*. СПб.: Алетейя.

Трунов, А. А.

2013а. *Идеология в интеллектуальном дискурсе XVII – начала XX в.: Генезис, содержание, эволюция*. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing.

2013б. Идеология в обществе Модерна: генезис, назначение, логика исторической эволюции. *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история* 10: 11–21.

2015. Методология социологического анализа идеологии в обществе Модерна. *Методология и концептуальные парадигмы социологии*. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, с. 48–77.

Уайтхед, А. Н. 2009. *Приключения идей*. М.: ИФ РАН.

Федорова, М. М. 2005. *Метаморфоза принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций*. М.: ИФ РАН.

Freeden, M. 1996. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press.